РАЗДЕЛ XVI. ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л.

Гендерные признаки женского речевого поведения (на материале писем Л.Г. Давыдовой)

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Соликамск)*

doi: 10.18411/sr-05-12-2021-35

Аннотация

В статье исследуются гендерно маркированные черты речевого поведения жительницы уральской провинции на материале ее приватной переписки с мужем. Потенциальный набор признаков феминности в речи выявлен ранее в многочисленных работах лингвогендерологов. В настоящем исследовании изучались те черты, которые можно было выявить с опорой на наличный документальный материал. Таким образом, предметом описания стали: тематика, оценки, выражаемые чувства и эмоции, описания состояний, интенсификаторы и диминутивы.

Ключевые слова: лингвистическая персонология, лингвогендерология, гендерно маркированные речевые характеристики, эпистолярный текст.

Abstract

The article examines the gender-marked features of speech behavior of a resident of the Ural province on the material of her private correspondence with her husband. A potential set of signs of femininity in speech was revealed earlier in numerous works of linguogenderologists. In this study, we studied those features that could be identified based on available documentary material. Thus, the subject of the description were: topics, assessments, expressed feelings and emotions, descriptions of states, intensifiers and diminutives.

Keywords: linguistic personology, linguogenderology, gender-marked speech characteristics, epistolary text.

В результате предшествующих исследований по гендерной тематике выявлен довольно обширный набор признаков, характеризующих речевое поведение женщин. Эти признаки разнородны и касаются тематических предпочтений, характера оценочности и склонности женщин к интериоризации своего психоэмоционального состояния, а также стратегий построения нарратива [1; 2; 3 и др.].

Считается, что к тематическим предпочтениям женщин при коммуникации относится «“ближний” круг жизни человека (дом, семья, дети, муж, подруги, дружба, одиночество, предательство и пр.). Только 3% женщин говорят в письмах о политике, экономике и о своем социальном статусе» [3]. З.В. Черкесова считает, что «[т]ематика феминной речи чаще всего связана с окружающим женщин обыденным миром (чаще домашней жизнью), что определено самой природой женщин. Они часто говорят о детях, различных семейных делах, о проблемах соседей и знакомых, о моде, мужчинах и т.д.» [4, с. 222]. Е.С. Александрова причисляет к «приоритетным женским» темы здоровья и образования [5, с. 212].

Многие исследователи отмечают разницу между мужской и женской оценочностью. В частности, утверждается, что в речи женщин эмоциональные и сенсорные оценки преобладают над рационалистическими, этические – над эстетическими [1, с. 112–113; 3]. При этом стоит отметить, что оценочность речи зачастую коррелирует с эмоциональностью.

Все гендерологи сходятся во мнении, что женская речь более (вплоть до гиперболизированной экспрессивности) эмоциональна, чем мужская [1, с. 114; 3; 5, с. 212]. В качестве одной из причин повышенной эмоциональности женской речи, по-видимому, можно считать значимость для женщины собственного психоэмоционального состояния и желание поделиться им. Это соотносится с утверждением Е.А. Земской о том, что специфически женским является глагол *переживать* по отношению к самому говорящему [6, с. 102].

Тесная связь между оценочностью и эмоциональностью выражается в том, что способы их репрезентации нередко совпадают. Л.В. Колпакова обращает внимание на то, что как оценки, так и эмоции могут выражаться языковыми единицами разных уровней – морфемами, лексемами, синтаксемами [7, с. 63]. Под морфемами, релевантными для передачи эмоций и отношения, подразумеваются суффиксы субъективной оценки, использование которых образует так называемые диминутивы. Их гендерная роль рассматривается в работах Е.А. Земской, М.А. Китайгородской и Н.И. Розановой [6, с. 130], Е.С. Александровой [5, с. 211–212], Л.В. Колпаковой [7, с. 65] и наиболее подробно в монографии И.Н. Кавинкиной [3]. Что касается лексем, то гендерно маркированными для женщин считаются слова со значением чувств, эмоций, психофизиологических состояний (включая междометия), оценочная и аффектированная лексика, различные интенсификаторы [3; 7, с. 63–64]. К синтаксемам, используемым женщинами для выражения эмоционального состояния и оценок, относят вопросительные и восклицательные предложения, неполные и эллиптические предложения, а также инвертированные конструкции [1, с. 114; 3; 5, с. 212; 7, с. 63–64].

Что касается стратегии построения дискурса, то исследователи считают женский нарратив менее лапидарным, с преобладанием простых, но более многословных, чем у мужчин, предложений. При этом сложные предложения встречаются чаще с сочинительной, чем с подчинительной связью, а сложноподчиненные – с придаточными уступки или степени. Среди других значимых отличий называют превалирование в женских текстах конкретных существительных над абстрактными, сослагательного наклонения над повелительным и высокую частотность отрицательных частиц [1, с. 112–115]. Ряд исследователей отмечает склонность женщин к использованию косвенных речевых актов [5, с. 211].

Отметим, что некоторые ученые пытались установить влияние гендера на соотношение слов различных частей речи, но результаты их наблюдений неоднозначны и не лишены противоречий [1, с. 112, 114, 116–118; 8, с. 43–44].

Представляется важным, что любые выявленные различия между мужским и женским поведением носят вероятностный характер, поскольку не существует структур, используемых только женщинами или только мужчинами, как не существует и отдельных женского и мужского вариантов языка [1, с. 118]. Но при этом, по мнению Н.В. Вязигиной, «можно говорить об определенных тенденциях употребления языковых средств и соответственно – о типично женских и типично мужских особенностях речи» [9, с. 50–51].

Не все из выявленных характеристик женского дискурса могут быть проанализированы без сравнения с сопоставимой речевой продукцией мужчин или хотя бы других женщин. В ходе изучения эпистолярного материала факторами, ограничивающими возможности исследователей, являются также невозможность расширения наличного объема фактического материала и изменения параметров коммуникативной ситуации (например, если общение осуществлялось с одним единственным адресатом). Потенциальный набор признаков, релевантных для описания женского речевого поведения на основе эпистолярия, был ранее выявлен нами при анализе переписки гимназисток начала XX века [10].

Источником данного описания послужил эпистолярный архив Людмилы Георгиевны Давыдовой, включающий 3 письма ее к мужу, кадровому военному, Ксенофонту Алексеевичу Давыдову. Она пишет ему в первые дни войны по месту службы – на Дальний Восток в Хабаровский край в надежде на скорый переезд к нему. Известно, что в июле 1941 года К.А. Давыдов был направлен с Дальнего Востока на запад и недолго воевал в составе 3-го Украинского фронта. 13 октября 1941 года погиб в бою в районе города Харькова. Три письма, которые находятся в нашем распоряжении, так и не нашли адресата и вернулись обратно.

На материале имеющегося эпистолярия предполагается выявить те черты женского речевого поведения, которые доступны для наблюдения в данной исследовательской ситуации. К ним мы относим гендерно маркированные темы, различные способы выражения оценок, эмоций и чувств, психических и физиологических состояний, а также высокую активность интенсификаторов как показателя экспрессивности изучаемого эпистолярного нарратива.

Тематика.

Из тем, считающихся типично женскими, в письмах Людмилы Георгиевны Давыдовой отмечаются только три:

- о семейных проблемах: *Жить будем у Нины, она тоже будет устраиваться на работу. Мама будет с ребятами. Хотя они все, т.е. Нина, Ляля и Женя, и не очень спокойный народ, но приходится мириться, и нам с ними будет веселей и им с нами. Только мама будет уставать* (11, письмо от 27.06.41); *Нина поступает на работу, и мы переезжаем к ней. <...> Конечно неособенно хорошо нам будет жить, особенно маме, но теперь приходится со всем мириться* (11, письмо от 4.07.41); *Жить будем у Нины, она тоже будет устраиваться на работу. Мама будет с ребятами. Хотя они все, т.е. Нина, Ляля и Женя, и не очень спокойный народ, но приходится мириться, и нам с ними будет веселей и им с нами. Только мама будет уставать; переехали к Нине и хотя с ней не особенно легко будет жить, но теперь приходится со всем мириться* (11, письмо от 9.07.41);
- о хозяйственных потребностях: *Придется заботиться о дровах* (11, письмо от 4.07.41);
- об отношениях с соседями: *Соликамские обыватели подхихикивают над нами, над мамой, что продала старушка дом, а теперь в няньки пошла. Их война никак не коснулась, а поэтому они нисколько не учитывают по какой причине мы не едем к тебе. Они воображают, что если война на Западе, то на Восток можно ехать* (11, письмо от 9.07.41). – (Здесь и далее при цитировании писем Л.Г. Давыдовой сохраняется авторская орфография и пунктуация.)

Такая ограниченность гендерно маркированной тематики, по-видимому, объясняется обстановкой, в которой оказалась Людмила, на что указывает ее собственная фраза: «Хотя нам и хотелось уехать и скорее быть с тобой, но **теперь личное отходит на задний план**» (11, письмо от 27.06.41).

Оценки.

Контексты, содержащие оценки, в письмах Л.Г. Давыдовой довольно немногочисленны. В зависимости от объектов оценивания выделяются оценки:

- **ситуаций**, среди которых реальные, касающиеся частной жизни, и прогнозируемые, относящиеся к положению в стране (в последнем из приведенных ниже контекстов): *экзамен <...> сдала только на хорошо; не успела прочесть основательно; только мельком просмотрела* (11, письмо от 27.06.41); *неособенно хорошо нам будет жить, особенно маме, но теперь приходится со всем мириться;*

*Хорошо, что путевку я получила в Соликамск (11, письмо от 04.07.41); если все кончится **хорошо**, то меня отпустят в любое время (11, письмо от 27.06.41);*

- **объектов**, являющихся обозначением воюющих стран и их армий, а в одном случае – артобъекта (художественного фильма): *скорей бы этого **проклятого** Гитлера разбили (Гитлер как символ армии вражеского государства); эта **лживая, коварная** Япония начнет войну; хотя наша армия и **сильна**; (11, письмо от 27.06.41); **хоть бы скорей победили этих проклятых фашистов** (11, письмо от 04.07.41); смотрела картину «Фронтовые подруги, где показана война. Но это лишь **маленькая частичка** настоящей войны (11, письмо от 27.06.41);*
- **состояний** – как физических: ***сил** было **совсем мало** (11, письмо от 27.06.41); За эти дни я **немного поправилась**, т.к. **высыпаюсь досыта** (11, письмо от 04.07.41),* так и психических: *Когда же мы встретимся? Какой **мучительный** вопрос (11, письмо от 27.06.41); И долго, долго не могла уснуть, а потом всю ночь видела **кошмарные сны; настроение еще хуже** (11, письмо от 09.07.41).*
- **лиц и их поведения**: *Нина, Ляля и Женя, и **не очень спокойный** народ (11, письмо от 27.06.41); переехали к Нине и хотя с ней не особенно легко будет жить; Соликамские **обыватели подхихикивают** над нами (11, письмо от 09.07.41), включая **самооценку**: если писала что-то в тех письмах то так просто, **без всяких оснований** на то, как говорится, **с глупого ума** (11, письмо от 27.06.41).*

Как видно из приведенных контекстов, большинство оценок носит негативный характер, при том что категоричные оценки встречаются нечасто. Позитивными являются лишь две оценки ситуации (одна из которых мыслится как гипотетическая) и одна оценка потенциала Красной армии. Наряду с этим можно отметить, что среди оценок в письмах Л.Г. Давыдовой встречаются как рациональные, так и эмоциональные. Если в качестве основания для деления оценок на рациональные и эмоциональные принимать наличие/отсутствие эмоционально-экспрессивного компонента в структуре лексического значения слова, то следует признать, что большинство из оценок адресата являются рационалистическими. Они составляют 64%. Только 8 единиц выражающих оценку (36%), – *проклятый, лживая, коварная, проклятые, мучительный, кошмарные, обыватели, с глупого ума* – включают в свое значение тот или иной эмоционально-экспрессивный компонент.

Чувства и эмоции.

Выражение чувств и эмоций в письмах, как правило, переплетается. Наблюдение над эпистолярием Л.Г. Давыдовой показывает, что, в отличие от оценок, большинство из которых были негативными, чувственно-эмоциональные проявления адресанта чаще (82%) окрашены позитивно. Среди них преобладает выражение **любви** (17 контекстов, многие из которых повторяются), например: ***Целую и крепко обнимаю** моего **милого, дорогого Ксешеньку**; Я же **тебя никогда не забуду** (11, письмо от 27.06.41); **милый, дорогой и любимый Ксеша**; **Любящая** тебя **твоя Люда**; **Горячо, горячо целую** тебя и **много, много раз; всегда думаю о тебе** (11, письмо от 04.07.41). К ним примыкают два контекста, передающих **удовлетворенность** ситуацией: *я **рада**, что, наконец, я свободна; я **рада**, что хоть кончила институт (11, письмо от 27.06.41). Как негативно окрашенное мы квалифицируем чувство **тревоги** в таких фрагментах, как: *мы **очень боимся** за него; я опять **буду волноваться** за тебя; **Как я боюсь**, что эта лживая, коварная Япония начнет войну (11, письмо от 27.06.41); **С какой тревогой** слушаешь всегда последние известия! (11, письмо от 04.07.41).***

Эмоции без наименования чувства могут выражаться либо междометиями (из разряда эмоциональных), либо синтаксическими конструкциями – восклицательными и вопросительными (риторического характера). В письмах Л.Г. Давыдовой междометия встретились лишь дважды: *Ох, скорей бы этого проклятого Гитлера разбили* (11, письмо от 27.06.41); *О хоть бы скорей победили этих проклятых фашистов!* (11, письмо от 04.07.41). Подобные междометия предназначены для обозначения высокой степени проявления чего-либо, а их конкретная роль раскрывается в контексте. В обеих приведенных фразах междометия сочетаются с интенсификатором *скорей бы* и выражают нетерпение адресанта в ожидании завершения войны и – как следствие – встречи с любимым человеком.

В качестве средств выражения эмоций Л.Г. Давыдова иногда использует в письмах соответствующие синтаксические конструкции – восклицательные и вопросительные. При этом роль восклицательных знаков не одинакова. Так, они присутствуют во всех начальных формулах приветствия: *Здравствуй, мой любимый, дорогой Ксеша!* (11, письмо от 27.06.41) и под. В этой позиции их можно интерпретировать, прежде всего, как реализацию некой эпистолярной традиции и лишь отчасти – как средство усиления чувств и эмоций, обозначенных лексически. Гораздо существеннее роль восклицаний в конструкциях типа: *С какой тревогой слушаешь всегда последние известия! О хоть бы скорей победили этих проклятых фашистов!* (11, письмо от 04.07.41). Их функция – это повышение градуса выражаемых эмоций.

Для передачи эмоций в ряде случаев Л.Г. Давыдова употребляет и вопросительно-риторические конструкции, передающие отношение к происходящему, которое вызывает у нее тревогу и предчувствие беды: *Что-то нас ждет впереди?* (11, письмо от 04.07.41); *Где-то ты теперь у меня?* (11, письмо от 04.07.41; 11, письмо от 09.07.41); *А ты ведь пока еще у меня жив?* (11, письмо от 27.06.41); *Когда же мы встретимся? Какой мучительный вопрос.* (11, письмо от 27.06.41).

В целом письма Л.Г. Давыдовой характеризуются эмоционально сдержанным тоном и репрезентируют лишь два переплетающихся чувства – любви и тревоги.

Состояния.

Очевидно, что состояния (в особенности психические) порождаются теми чувствами и эмоциями, которые испытывает адресант. При этом если на эмоционально-чувственном уровне автор писем свою тревожность сдерживает, то при описании состояний она проявляется в полной мере. Выражение тревоги явно доминирует, составляя 80% всех контекстов, описывающих психические состояния. Тревожность адресанта не всегда номинируется напрямую, но она становится очевидной из контекстов: *У меня все время было какое-то предчувствие, что мы не уедем к тебе* (11, письмо от 04.07.41); *... говорят нам, что есть телеграмма. У меня так сердце и дрогнуло <...> И долго, долго не могла уснуть, а потом всю ночь видела кошмарные сны* (11, письмо от 09.07.41); *Сердце все время болит не переставая. И погода опять испортилась и настроение еще хуже. Скорее бы получить от тебя письмо* (11, письмо от 09.07.41); *Настроение такое, что не знаю чем и заняться. Скорей бы уж работать. Читать не могу. Скорей бы переехать к Нине, стала бы заниматься с ребятами, помогать маме* (11, письмо от 04.07.41). В приведенных контекстах, наряду с описанием самого состояния, отображаются некие поведенческие проявления глубокого внутреннего беспокойства адресанта: *долго не могла уснуть; всю ночь видела кошмарные сны; Читать не могу* и под.

Немногочисленные случаи выражения позитивного психического состояния могут быть признаны таковыми лишь с определенной долей условности, на что указывает контекстное окружение. К ним мы относим: *наконец, я свободна, <...> не надо сидеть и учить; Хотя они все, т.е. Нина, Ляля и Женя, и не очень спокойный народ, но приходится мириться, и нам с ними будет веселей <...> Только мама будет уставать* (11, письмо от 27.06.41).

Физические состояния, о которых Л.Г. Давыдова сообщает, связаны с психическими. Так, например, состояние усталости и недомогания при подготовке к экзамену обусловлено тем, что она проходила на фоне переживаний, связанных с начавшейся войной: *теперь вся я занята только войной и все время слушаю последние известия и боевые эпизоды. Конечно, все эти события повлияли и на мою подготовку. Я так утомилась, что последние дни все время у меня болела голова, и сил было совсем мало* (11, письмо от 27.06.41). То же относится и к фрагменту, в котором говорится об улучшении физического состояния адресанта: *За эти дни я немного поправилась, т.к. высыпаюсь досыта. Но теперь настроение такое, что вряд ли поправлюсь как следует* (11, письмо от 04.07.41).

Интенсификаторы.

Интенсификаторы служат для повышения экспрессивности речи. По словам В.В. Безруковой, они «выполняют функцию своего рода датчиков напряжения, высвечивая прагматический пик высказывания» [12, с. 190]. При этом интенсификаторы усиливают семантику высказывания в целом или его отдельного элемента. Такими элементами могут быть наименования оценок, эмоций и чувств, действий и состояний.

В письмах Л.Г. Давыдовой интенсификаторы достаточно частотны. К ним относятся **наречия** (включая редуцированные образования) иногда в сочетании с частицей: *очень; совсем; крепко; горячо; горячо, горячо; вполне; много, много; долго, долго; еще хуже; местоимения и местоименные наречия и прилагательные: сколько; нисколько; так; как; никак; какой*. Часть из перечисленных единиц повторяется в письмах Давыдовой неоднократно.

Самой распространенной функцией интенсификаторов в изучаемых письмах является функция усиления выражаемых чувств и эмоций (50% – большинство из них повторяются неоднократно): *очень тебе благодарна за фотокарточку; мы очень боимся за него; верю тебе вполне; крепко и горячо целую* (11, письмо от 27.06.41); *Горячо, горячо целую тебя и много, много раз; С какой тревогой слушаешь всегда последние известия* (11, письмо от 04.07.41).

Довольно частотны контексты, где интенсификатор усиливает семантику называемого действия или состояния (36%): *сколько погибнет людей; сколько теперь разлучено семей, сколько уже совсем потеряли своих родных; так скорей хотелось увидеться* (11, письмо от 27.06.41); *Как болит у меня сердце* (11, письмо от 04.07.41); *долго, долго не могла уснуть* (11, письмо от 09.07.41).

Функцию усиления оценки в письмах Л.Г. Давыдовой интенсификаторы выполняют редко (14%): *сил было совсем мало; события так быстро и неожиданно совершаются; Когда же мы встретимся? Какой мучительный вопрос* (11, письмо от 27.06.41); *настроение еще хуже* (11, письмо от 09.07.41).

Диминутивы.

По мнению большинства специалистов, диминутивы признаются гендерно маркированными элементами женской речи. Однако в письмах Л.Г. Давыдовой подобные средства встречаются редко. Отмечены только три факта их употребления. В двух случаях диминутивы – **Ксешенька** и **частичка** – служат для усиления выражаемого чувства и оценочного отношения к предмету речи: *Целую и крепко обнимаю моего милого, дорогого Ксешеньку; Недавно я смотрела картину «Фронтовые подруги, где показана война. Но это лишь маленькая частичка настоящей войны* (11, письмо от 27.06.41). В одном – выполняет функцию смягчения императивного потенциала высказывания: *Пиши по маленечку, но чаще а то я опять буду волноваться за тебя* (11, письмо от 27.06.41).

Оценивая проявление гендерно маркированных признаков в письменной речи Л.Г. Давыдовой, можно констатировать, что феминность не является значимым компонентом ее языковой личности. Это касается и тематики эпистолярного нарратива,

и степени распространенности и характера оценок, и частоты использования диминутивов. Эмоциональная сдержанность стиля создается превалированием рациональных оценок над эмоциональными и отсутствием развернутого описания своих чувств. Среди мотивов эпистолярного дискурса Л.Г. Давыдовой доминирует тревожность, которая передается через описание чувств, состояний и подсознательных поведенческих реакций.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012-00343
«Лингвоперсонологические портреты жительниц Северного Прикамья на основе
региональных эпистоляриев первой половины XX века»*

1. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
2. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. 155 с.
3. Кавинкина И.Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка. Гродно, 2006. URL: http://ebooks.grsu.by/kavinkina_gender/index.htm (дата обращения – 15.09.2021)
4. Черкесова З.В. Гендерное различие как лингвистическая проблема: особенности коммуникативного поведения мужчин и женщин // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. № 4 (60). С. 218–223.
5. Александрова Е.С. К вопросу о гендерных стереотипах в языке // Научный альманах. № 2–4 (16). Тамбов, 2016. С. 210–213.
6. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.И. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90–136
7. Колпакова Л.В. Проявление гендерной специфики эмоциональной сферы личности в языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 6 (195), 2018. С. 62–67.
8. Сеченова Е.Г. Гендерный аспект в политическом дискурсе: частеречные предпочтения // Казанская наука. № 8, 2016. С. 42–44.
9. Вязигина Н.В. Гендерная лингвистика и диагностика пола как задача автороведческой экспертизы // Юрислингвистика. № 2 (13). Барнаул, 2013. С. 48–53.
10. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Письма гимназисток как материал для изучения в гендерном аспекте речевого поведения жительниц уральской провинции начала XX века (характеристика источников и подходы к описанию) // The scientific heritage. № 54-3 (54). Прага: Global Science Center LP, 2020. С. 55-59.
11. Эпистолярный архив Л.Г. Давыдовой из фондов Соликамского краеведческого музея: ф. 140, д. 12.
12. Безрукова В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.

Сатучина Т.Ю.

Экспериментальное исследование метаязыковой деятельности говорящих

*Кемеровский государственный университет
(Россия, Кемерово)*

doi: 10.18411/sr-05-12-2021-36

Аннотация

Статья посвящена описанию метаязыковой деятельности носителей языка. Сбор материала осуществлялся методом лингвистического эксперимента. Результаты эксперимента показывают, что метаязыковая деятельность говорящих проявлена в репрезентируемом денотате и дифференциальных признаках, в формах дефиниции (полная / неполная).

Ключевые слова: метаязыковая деятельность, лингвистический эксперимент, толкование слова, значение слова, денотат слова.